

Глава 6. Цветы и черви

LXVI.

Лу, Пилар, Акхил и Пшигода собрались у «окна». Окно было настоящим – прямоугольная обтянутая плотной резиной рама со стеклом, купленная из-под полы и аккуратно извлеченная из вагона Поезда, с темным, матовым, словно тонированным стеклом. Оно лежало на столике в центральном зале кирхи. По стеклу то и дело пробегала легкая рябь. Вокруг «окна» гептаграммой были выложены наполненные силой детские игрушки – три плюшевых мишки, кукла Барби без руки, самосвал, котенок и непонятное существо лилового цвета. Сама рама была испещрена колдовскими знаками и заклинаниями, тщательно вырезанными в резине, над которыми Акхил под руководством Оксаны работал последние несколько дней. Кроме того, отдельным квадратом вокруг стекла были выложены «свидетели» – выбитые взрывом камни и куски обшивки взорванного Поезда, собранные Пшигодой у музея Боды.

Все напряженно молчали, готовясь к сеансу. На коленях у Пилар лежали блокнот и несколько отточенных карандашей.

Наконец Лу вскинула руки и проговорила первые несколько слов сложного дизайнерского заклятия, разработанного специально для этой процедуры. У слов не было отдельного смысла ни в одном из языков мира – это были наборы звуков, которые наилучшим образом вступали в резонанс с оконной рамой и разложенными на столе артефактами, высвобождая их колдовской потенциал и меняя реальность согласно воле их говорившего. Рябь на поверхности стекла заметно усилилась. Предметы-«свидетели» начали настраивать «окно» на нужное место и время. Лу вливала в него новые и новые силы, свободно черпая их из кирхи. Воздух загустел, в нем появилась едва заметная дымка. На лбу у Лу выступил пот, Акхил заметно нахмурился, Пилар сильнее сжала блокнот. Их внимание было сфокусировано на стеклянном прямоугольнике. Пшигода смотрел на творимое колдовство чуть со стороны. Он был слабейшим магом из всех присутствующих, даже слабее Акхила, и уж точно понимал в происходящем меньше маленького индуса. Со временем он выработал определенную бесчувственность к колдовству, оно перестало его удивлять как таковое. И даже сейчас, когда перед его глазами происходило что-то уникальное, первая в истории попытка заглянуть в прошлое, он был внутренне спокоен и сдержан.

На стекле, словно на старой фотографии, стала проявляться картинка. На ней ничего не было понятно: всплеск острых углов, клубы дыма, вспышки яркого света, несущиеся и сталкивающиеся фрагменты реальности. «Это, наверное, сразу после взрыва, – подумал Пшигода. – Точнее, это и есть сам взрыв».

Лу начала вращать время вспять, и картинка на стекле стала меняться: сначала медленно, затем быстрее. Лу шумно выдохнула, и время разом скакнуло на

несколько минут назад. Пшигода обеспокоенно посмотрел на колдунью, но Лу только улыбнулась и кивнула в сторону «окна». Там уже происходило что-то более понятное.

Они смотрели через стекло на происходящее внутри Поезда, как будто оставаясь снаружи него. Прямо у окна сидел потрепанный и усталый на вид человек в возрасте где-то между тридцатью и сорока, одетый в старую драную куртку не определяемого из-за грязи цвета. Он глядел прямо на Пшигоду, а точнее, глядел в окно, но то и дело оборачивался и рассматривал других пассажиров Поезда. Вагон выглядел полупустым: занятыми были, наверное, треть всех сидений. Человек у окна сидел на сиденье без соседей.

– Это, должно быть, Клаус, ученик Нигоша, – сказал Ахил.

– Почему?

– Помните, как Арк был одет, когда мы его только встретили? Кроме того, смотрите, он явно чего-то боится. Я думаю, это он.

– Пилар, нарисуй его, пожалуйста, – сказала Лу и остановила картинку.

Та принялась быстро-быстро рисовать незнакомца, пойманного в момент пристального разглядывания происходящего за окном. Осунувшегося, дерганного, действительно чего-то боявшегося. Грязные темные волосы, крупный нос, глаза немного навькат.

Пилар кивнула, и Лу продолжила медленно высвобождать туго стянутую пружину времени. В поле зрения вошел новый пассажир. Крупный, в хорошем дорогом пальто, несущий большую тяжелую сумку. Через его переносицу проходил глубокий рубленый шрам. Он огляделся по сторонам, кинув взгляд будто бы сквозь наблюдающую за ним из окна компанию, а потом обратил внимание на Клауса.

– Вернись-ка на секунду, – сказал Пшигода. – Его тоже нужно нарисовать. Кажется, я его знаю.

LXVII.

Лу отмотала время немного назад и поймала момент, когда новый пассажир смотрел точно на них. Пилар заскрипела карандашом, а Пшигода тем временем попытался вспомнить... Он видел его где-то на Цоо, но где именно? И в каком контексте?

Пилар закончила, и время потекло дальше, словно замедленное кино. Взгляд в окно, потом взгляд на Клауса. Узнавание в глазах. Сумка тяжело падает на пол, и в это же самое время Клаус достает из недр своих обносков жезл. Успевает поставить защитное поле за секунду до того, как человек со шрамом стреляет ему в лицо из черного матового пистолета. Пули рикошетят и летят по всему салону, задевая других пассажиров, поднимая панику и, наверное, крики. «Окно» не передает звуки, но чуть заметно вибрирует, откликаясь на самые громкие. Дальше всё идет еще быстрее, и Лу приходится изо всех сил сдерживать поводья

убегающего вперед времени. Она тормозит время еще сильнее, растягивая каждую секунду в несколько раз, чтобы другие ничего не пропустили. Пилар бешено скрипит карандашом, зарисовывая положения фигур, изменения мизансцены, нанося на бумагу этот странный схематичный комикс. Клаус моментально ставит еще одно поле – на этот раз прямо около нападающего. Оно пружинисто отталкивает его, впечатывает в дальнюю стену вагона. Клаус встает, у него в руках уже два жезла. Вторым он открывает портал прямо над головой упавшего противника. Оттуда нестерпимо пышет пламя. Человек со шрамом обгорает, но пальто защищает его от основного ущерба. Он вскакивает на ноги, стряхивая с себя языки пламени, и вдруг поворачивается и снова смотрит в окно. Сквозь стекло прямо на Лу, Ахила, Пилар и Пшигоду. Последнему уже начинает казаться, что Лу снова полностью остановила время, но всё остальное двигается. Это просто человек со шрамом застыл в ожидании чего-то и не шевелится. За его спиной открывается еще один портал, к нему уже тянется смутно различимое щупальце, но уже поздно. Человек со шрамом смотрит на сумку на полу, и она взрывается. В «окне», как в калейдоскопе, смешиваются и сталкиваются фрагменты реальности, вспышки яркого света, клубы дыма, всплеск острых углов. Заклинание кончилось. По стеклу паутинкой побежали трещины. Лу в изнеможении упала на колени.

Все присутствующие были истощены. Мозги Пшигоды отказывались работать, фокусировались то на одном обрывке мыслей, то на другом, избегая целого. Все разошлись по углам зала, чтобы немного прийти в себя и отдохнуть. Пшигода, развалившись, лежал в кресле и мучительно вспоминал, где он мог видеть этого мужика со шрамом. Точно не на Алексе, почти наверняка на Цоо. Один из наемников, которые собирались там толпами? Но какой смысл наемнику быть камикадзе? В этом взрыве не выжил никто. Никакое пальто, даже самое защищенное, даже проложенное хоть самой Туринской плащаницей, не могло спасти ему жизнь, и это должно было быть очевидно любому, кто имел дело с боевым колдовством. Он сам активировал заряд именно в тот момент, когда Поезд проехал мимо музея Бодэ. Мотивация вообще не понятна.

Пшигода встал, подошел к отдохавшей на диване Лу. Украдкой погладил ее по руке. Та улыбнулась, сжала его мясистую ладонь в ответ.

– Давайте поужинаем, – громко сказала она. – И обсудим.

Жадно вгрызаясь в ляжку белки, Пшигода пересказал команде свои мысли.

– Может быть, его семью держат в заложниках? – предположил Ахил.

– Вряд ли, – Лу откусила большой кусок горячей запеченной картофелины. Остальные вежливо дали ей прожевать. – Я думаю, пару месяцев назад в Цоо появилась очень богатая девушка. Слегка печальная, но очень богатая.

– У меня много друзей в Цоо, – сказал Пшигода. – Это будет нетрудно выяснить.

– Меня больше заинтересовал Клаус, – сказала Пилар. – Он явно был там один. Неужели он просто случайно выбрал Поезд, а тем более вагон, который потом взорвался? Он, может быть, и не взрывал его сам, но точно каким-то образом в этом замешан.

– Несостыковка, – согласилась Лу. – Это надо разъяснить.

– А я до сих пор не могу поверить, что мы сделали это, – сказал Ахил с плохо скрываемой гордостью. – Взяли и заглянули в прошлое.

– Шерлок Холмсы курвины, – промолвил Пшигода и затянулся сигаретой.

LXVIII.

Поезд, скрипнув, остановился, раскрыл двери, и грузная нога Пшигоды в высоком кожаном ботинке ударила в перрон Цоо. Пшигода хорошо знал эту станцию и ее обитателей и теплых чувств к ним не питал. Было какое-то трудноуловимое различие между Цоо и Алексом: казалось бы, две огромные жилые зоны, обе формально нейтральные, обе под патронажем могущественных колдунов. Но Алекс был зоной условной свободы, Александр не вводил свои правила, не следил за порядком и в целом отпустил поводья контроля, из-за чего всё это, как на американском фронтире, приходилось делать самим живущим там людям, что создавало атмосферу ответственности. Цоо же был владением Танненбаума, именно здесь был один из двух официальных входов в его Роцу, растянувшуюся вдоль южного берега Шпрее от бывших Бранденбургских ворот до Шарлоттенбурга. Цоо представлял собой как бы гетто на окраине Роци, специальный ее отросток, в котором позволялось жить кому угодно, но который всё равно существовал под строгим надзором растений. Порядок в зоне наводили сотворенные, а может, и выращенные Танненбаумом деревянные големы, прозванные в народе дуболомами, но справлялись со своей задачей они из рук вон плохо, в большинстве своем были тупы и ленивы, а кроме того, были донельзя коррумпированы, или, как тут говорили, «трухлявы». В результате тебя с примерно равной вероятностью могли ограбить и на Алексе, и на Цоо, но на Цоо это могли сделать еще и представители власти. В общем, на Алексе атмосфера была поприятнее.

А вот застройка на Цоо была гораздо свободнее, чем на Алексе, и вообще по площади бывший центр Западного Берлина давал бывшему центру Восточного сто очков вперед. Тут все жили в квартирах, никому не приходилось ютиться в палатках и караванах. Улицы и привокзальная площадь поэтому казались более пустыми, хоть и засаженными различными деревьями и кустами. Вместо мостовой везде был травяной ковер. Какой-то шутник прозвал Цоо «легкими Берлина» – зелени тут действительно было навалом, а кроме того, абсолютно запрещалось курить. Хотя хотелось страшно.

Пшигода достал из необъятного пальто маленький, тонущий в его ладони блокнот и сверился со своими записями: «Сначала, значит, в бар, потом в бордель, а потом, если время будет, и в казино. Сколько работы, курва, сколько работы...» До комендантского часа, когда на улицу позволялось выйти, только если ты сделан из целлюлозы, оставалось еще совсем немного времени, и Пшигода предполагал, что ему, вдобавок ко всему прочему, придется тут переночевать. Его местные подружки по понятным причинам перестали быть реалистичными вариантами, значит, нужно было найти еще и Янека и перекантоваться у него. Кроме того, хорошо было бы чем-то перекусить. Ему предстоит умственная работа, а она всегда вызывает аппетит. Значит, сначала точно бар.

LXIX.

Пшигода перешел несколько улиц, миновал разрушенную церковь, служившую неформальным центром Цоо, свернул направо, потом еще раз, в переулок. Вытер ноги о коврик из мха, отодвинул в сторону гигантский лопух и спустился по скрипящим под ним ступенькам. Бар «Лопух и Клен» занимал большое полуподвальное помещение жилого дома. Как и полагалось, внутри было темно и затхло, пахло прокисшим пивом, землей и сырыми опилками, в изобилии покрывавшими пол. За стойкой бара росло причудливое ветвистое дерево и о чём-то болтало с посетителями.

– Привет, Клен, – поприветствовал его Пшигода.

– Привет, Пшигода, – ответил бармен. Голос у него был, за неимением лучшего термина, деревянный. – Так вот, – продолжил он, пока вошедший по привычке с опаской примеривался к барному стулу. При размерах Пшигоды любой хлипкий предмет мебели мог под ним просто развалиться. – Три года я дуболомил. Не срок, скажете? Ну, может быть. Но надоело это мне хуже вырубки. И пошел я к Танненбауму в корни кланяться: так мол и так.

– Мне бы поесть чего-нибудь, – сказал Пшигода, который слышал эту историю уже несколько раз.

Клен махнул ему листиками и продолжил рассказывать. На кухоньке позади барной стойки зашкворчало – два молодых отростка принялись за работу. Боковая ветка Клена разливала пиво.

Ожидая свой заказ, Пшигода с интересом рассматривал других посетителей. Бар был на удивление пуст – за стойкой кроме него сидели всего двое: молодой парень с жестким лицом, по виду из бывшей Восточной Европы, и мужичонка лет шестидесяти, которого Пшигода уже видел тут раньше. Поэтому рассказ Клена предназначался для парня. Значит, он тут новенький. Может, что-то по неопытности и сболтнет.

Пшигода сделал богатырский глоток из огромной деревянной кружки и прислушался к беседе.

– А у Танненбаума правило такое: если ты не дуболом, а честное дерево, изволь, как все, корни в землю. Нечего, мол, шляться, неприлично. Думал я, как поступить, и тут на Лопуха набрел. А он и говорит: «Родной! Давно мечтал бар открыть...»

– Ну и как оно тут? – спросил молодой посетитель. – Заработок идет?

– На жизнь хватает. Вон, поросль молодую воспитываю, – Клен кивнул кроной в сторону кухни.

Пожилой посетитель молча пил. Пшигоде принесли еду – стейк из голубя с овощным рагу. Цоо поставлял овощи всему Берлину и много на этом наваривал, из-за чего терпимо относился к приему их в пищу. Чистое вегетарианство считалось тут чем-то неприличным, вроде извращения, и даже салат из огурца было принято заедать беличьим беконом.

– А ты тут как устроился, дедуль? – спросил молодой у пожилого.

Тот крякнул, одним глотком осушил кружку и жестом заказал еще одну.

– Я до Смещения важным делом занимался, – сказал он. – А сейчас смех один, кое-как перебиваюсь. Иногда вот что-то перепадает, с этого и живу.

– А дорого тут? Я думал из Моабита сюда перебраться.

– Дорого и беспокойно, – буркнул пожилой. – И места мало, я-то знаю.

Что-то щелкнуло в голове у Пшигоды, и он вспомнил соседа по барной стойке. Он действительно иногда заявлялся в «Лопух и Клен», угощал других, сорил деньгами и надирался до неприличия. А потом, видимо, деньги у него подходили к концу, и он возвращался к своему обычному мизантропическому и бедному существованию. В один из таких «богатых» приходов он поделился с присутствующими, что до Смещения работал клерком в офисе городского планировщика. Сейчас же плечи у него были поникшие, пил он пиво, а не дорогой досмещенский коньяк, и поэтому можно было предположить, что он опять на мели. Общительный молодой посетитель понял, что от пожилого многого не добиться, и переключил внимание на Пшигоду.

– А ты, мужик? Давно тут живешь?

– Недавно. Работу тут ищу.

– А что ты делаешь?

– А сам не видишь?

Молодой хихикнул, поднял стакан с пивом, отхлебнул. Видно было, что нашел коллегу по цеху.

– Месяца три назад, – продолжил Пшигода, – меня моя краля стала есть: заработай да заработай. Я говорю: «Что мы тут, в Кройцберге, уже заработаем? У меня руки, у тебя ноги, вот и всё». А она говорит, что в Цоо ее подружка за одну ночь разбогатела. Хахаль ейный большое дело провернул. И ей перепало.

– Это Карин, – кивнул парень с видом опытного знатока. – Ее тут все знают. Только ее хахаль прячется теперь. Видимо, разозлил кого-то. И откуда деньги, она не говорит.

– И я бы прятался, – сказал Пшигода. – Никакая Карин не нашла бы.

Они выпили еще по одной, и Пшигода, угрожающе покачиваясь, как колокол после звона, встал со стула. Кивнув Клену – его кредита вполне хватило на ужин с выпивкой, – спотыкаясь и чертыхаясь себе под нос, он выкарабкался наверх, в прохладу ночного города. Дальше шел уже нормальным быстрым шагом, твердым и уверенным. Комендантский час должен был вот-вот наступить, и нужно было срочно найти Янека.

LXX.

Пшигода вышел на площадь с разрушенной церковью, пересек ее по центру и вошел в высотное здание. Лифт не работал, и он по лестнице поднялся на четвертый этаж. Дверь открыл охранник. Узнав запыхавшегося Пшигоду, он посторонился, и тот вошел в хорошо знакомый бордель.

Конечно, большинство подобных заведений Берлина концентрировались в Кройцберге. Но на Цоо вечно собирались наемники, и многие из них не желали тратить время на дорогу. Так, повинаясь неумолимым законам рынка, появилась «Манжетка» – бордель быстрого обслуживания, без роскошных балдахинов и бархатных занавесок. Мало кто задерживался тут дольше абсолютно необходимого.

Хозяйка фастфудного борделя, Вёльва, приветливо помахала Пшигоде:

– Давно не заходил! Подружку завел?

Пшигода кивнул и почувствовал неожиданное и труднообъяснимое чувство гордости.

– Янек? – спросил он.

Вёльва, высокая статная брюнетка за сорок, картинно всплеснула руками, а потом махнула в сторону коридора. У себя, значит.

«Манжетка» занимала два этажа бывшего отеля. Миновав череду однотипных дверей с номерами, Пшигода остановился у № 443. Громко три раза постучал. Подождал с минуту. Дверь распахнулась, и из комнаты выбежали две избирательно одетые девушки, оставив дверь нараспашку. Янек распластался на кровати, являя Пшигоде и миру свои сокровища.

В прошлой жизни он был приятелем Пшигоды, часто работал с ним на одних стройках. Смещение не прошло для него даром, и его тело трансформировалось: у него выросло четыре дополнительных пениса и три вагины. Как и многие другие трансформанты, первые пару лет он сходил с ума, привыкал к новому телу, психологии, либидо, гормональному фону. Работая вместе с Пшигодой антикваром, тратил все деньги на утоление невероятным образом выросших сексуальных потребностей. Смирившись, работал проституткой, перебрался в Кройцберг. Потом нашел себя и стал тренером для девушек и юношей, которые желали по-настоящему зарабатывать подобным образом жизни. Прославился на

весь Берлин, мгновенно разбогател и ушел на покой на Цоо, где, впрочем, тоже работал не покладая рук, поскольку физиологические аппетиты у него так и не убавились. Как приятель Пшигода немного сочувствовал Янеку из-за его неизлечимой мании. Как у мужчины Янек вызывал у него безграничное уважение и толику любопытства.

– Ирджих! – закричал его друг, вскакивая с постели, даже не надев халат. Рассинхронизированные движения его в разной степени напряженных частей тела поставили бы в тупик даже опытного часовщика.

– Привет! – сказал Пшигода.

– Ты чего тут делаешь? Комендантский час скоро. Если еще не начался.

– Мне нужны ночлег и услуга. Второе важнее.

– Начнем со второго.

Пшигода покопался в кармане пальто и достал сложенный лист бумаги с карандашным наброском портрета Клауса.

– Помнишь взрыв на Поезде?

– Несколько месяцев назад? Конечно, главное событие прошлого года.

– Он погиб в этом взрыве. Зовут Клаус, он с Осткройца, но ехал отсюда. Мне нужно знать, чем он тут занимался.

– Он как-то связан со взрывом? Если с Осткройца...

– Может быть. Я стараюсь выяснить.

– Сложно... В октябре, да? Четыре месяца назад. Очень сложно.

– Мы думаем, что он у кого-то узнал нечто очень важное. Из-за чего его могли убить.

– Это может упростить работу.

– Кто тут торгует информацией?

– Тут все торгуют всем. В основном, своим прошлым. Очень трудно угадать, какая именно информация будет действительно ценной. Недавно вон мужик – был никем до Смещения, водопроводчиком муниципальным. Заикнулся о том, что лет десять назад провалился в какой-то люк в какой-то древней трубе. По пьяни сболтнул. Это один услышал, потом второй, дошло до дуболомов, потом до Танненбаума. И нашли в этой трубе какой-то запас артефактов. Вроде в один из домов нетронутых поднялись по трубам, а там куча добра лежит.

– А водопроводчик что?

– Пропал. Может, убили на всякий случай. А может, в награду в Роцу перевели. Слухи разные ходят.

– Интересно, – сказал Пшигода. – Может, посмотреть, кто еще недавно в Роцу перебрался?

– Это можно, – ответил Янек. – Если есть, чем заплатить.

Янек оделся, и они вышли из номера. Поговорив с хозяйкой борделя и получив плату за вечер, Янек кивнул Пшигоде, и они спустились на улицу.

– Придется подраться, – сказал Янек.

– В смысле?

– Увидишь.

Снаружи было еще более пусто, чем раньше. Комендантский час начался. Янек с Пшигодой быстро шли, прячась в тени домов и избегая широких улиц и открытых пространств. Пару раз пришлось переждать, пока мимо ковылял дуболомский патруль.

Наконец Янек остановился, выглянул за угол и спросил:

– Видишь их?

Пшигода высунулся на секунду, оценил обстановку. Там стояли два дуболома, с виду не отличимые друг от друга. Их двухметровые фигуры мерно покачивались на ветру.

– Левый – это Листочек. Он нам нужен, я его беру на себя. Правый – то ли Желудь, то ли Корица, отсюда не вижу. Его нужно вырубить.

Пшигода развернул полу своего длинного пальто. Там, вися на аккуратной петле, поблескивал в свете фонаря небольшой, но острый на вид топор.

Янек быстро замотал головой:

– Никаких топоров, никакой трухи. Только в нокаут отправить. Нам надо поговорить с Листочком без свидетелей, и нужно, чтобы у него было алиби.

Янек присел на корточки, покопался в ближайшей кочке. Выудил оттуда два куска асфальта. Протянул Пшигоде тот, что поменьше.

– Листочка нужно будет напугать, а потом подкупить. Тогда точно всё выложит. Если по-тихому, то за пару минут управимся.

Они выбежали из-за угла, как две тени. Янек несся почти бесшумно. Пшигода тоже старался не топтать, но кожаные ботинки на толстой подошве даже на траве шумели как черти. Дуболомы не отличались особым слухом, но вибрации земли ловили хорошо. Вот и сейчас оба обернулись, когда их с нападавшими разделяло метров десять. Пшигода этого момента ждал и кинул свою каменюку в правого дуболома. Угодил точно в широкое место между дуплами глаз. Те сразу стали закатываться, раздался треск, а потом на дуболома всем весом налетел Пшигода. Топор он всё-таки достал и ударил противника обухом несколько раз сбоку, по выступам в крепком на вид, покрытом корой стволе. Топор оставил ощутимые вмятины. Дерево под Пшигодой как-то расслабилось, опало, и он понял, что свою задачу выполнил. Янек уже сидел верхом на Листочке.

– Что вы делаете? – прошелестел тот. – Корицу вообще срубили, колбасники.

– Извини, – сказал Янек, вставая с поверженного врага. – Я сам не рад. Моему товарищу тут узнать кое-что нужно было.

Листочек со скрипом поднялся, отряхнул опавшие листики. Он выглядел относительно молодым дуболомом, с тонким стволом и небольшой ровной кроной. Его глазки, похожие на мокрые сучки, быстро перебежали от Янека к Пшигоде. Тот, развалясь, сидел на своем бревне, поигрывая топором. Достал самокрутку, высек искру из большого пальца, закурил.

– Это тут вообще нельзя, – жалобно произнес Листочек. – Неуважительно и незаконно.

– Колись, липа, – потребовал Пшигода.

– А мы тебе заплатим, – сыграл в хорошего полицейского Янек.

– Что вам нужно?

– Кто из людей переехал в Рощу за последние полгода?

– Ох, – Листочек взмахнул ветвями. – Кто же их всех упомнит?

Пшигода надолго затянулся. Листочек как загипнотизированный смотрел на тлеющий кончик самокрутки.

– Месяца три назад в Рощу перебралась девушка по имени Карин, – наконец сказал дуболом. – Ей жених дал денег и исчез. До этого фермер один, Захария, переехал, новый сорт голубей вывел и на этом поднялся. Еще профессор нематологии там поселился, фон Штейниц. А совсем недавно, недели три назад, целая семья туда перебралась, не помню, как зовут. Они сами богатые были, из Шарлоттенбурга переехали. Кажется, всё.

– Что за профессор?

– Нематологии.

– Что изучает?

– Не мат?.. – дуболом искренне запнулся.

– Деньги у него откуда?

Листочек потупился.

Пшигода затушил окурок каблуком, убрал в карман, не желая оставлять улики, и снова взял в руки топор. Листочек физически не мог бледнеть, но Пшигода был готов поклясться, что его кора посветлела на несколько оттенков.

– Я слышал... – промямлил Листочек и замолчал.

– Ну, давай, родной, – Янек вытащил из кармана брюк старую садовую тяпку с красивым узором. На эту тяпку можно было несколько недель прожить на Александрплатц.

Листочек еще немного потряс кроной, потом сказал:

– Танненбаум его сам пустил, без денег. Почему – не знаю, хоть рубите.

Пшигода кивнул Янеку. Тот отдал дуболому тяпку, и та моментально скрылась в листве. Листочек, кряхтя, лег на траву, притворяясь тяжело раненым. Друзья быстро покинули место преступления и, стараясь избегать встречи с другими патрулями, пошли к Янеку.

Жил он на окраине Цоо, в однокомнатной квартире с маленькой кухонькой. Это на самом деле был неплохой вариант из того, что было доступно. Шикарных хором в Цоо не было вообще, и большинство людей делили друг с другом коммуналки.

– Что думаешь? – спросил хозяин, разливая водку. Водка на Цоо была поганая, отдавала картошкой, но альтернатив не было. Пришлось пить.

Пшигода сделал глоток, откашлялся и закусил стеблем сельдерея.

– Завтра в Рошу пойду, – заявил он.

– Опасно.

– А что делать? У каждого своя работа.

Янек немного надулся, но потом выпил еще рюмку и оттаял.

– Давно не заходил, – как бы между делом сказал он.

– Спокойной ночи, Янек, – пробормотал Пшигода, откинулся на хлипком кухонном стуле и, ежеминутно рискуя грохнуться на пол, захрапел.

LXXII.

Он открыл глаза в незнакомой комнате. «Где я? – мышкой юркнула первая мысль, и ее тут же догнала вторая: – Кто я?» Кровать была мягкой, удобной на ощупь, не опасной. Не тюремной койкой. Не жестким деревом скамейки. Небольшая комната находилась в полумраке, но были видны шкафы, дверь, столик, кресло. Обычная мирная мебель. Он почувствовал напряжение в теле, мышечный спазм, возбуждение. Откинул одеяло. Ниже пупка, вместо пениса, у него торчал причудливый черный гриб с небольшой шляпкой. Он осторожно дотронулся до него и уколол палец. Сверху из гриба выпирал острый шпиль, и вообще это был не гриб, а словно какое-то строение, башня. Черная Башня Острокройца. Что это значит? Он посмотрел на уколотый палец: на подушечке выступила капля крови, она медленно стекала вниз, окрашивая лабиринтообразный узор, заполняя ложбинки и дорожки. Он сунул палец в рот. Кровь была на вкус сладкая, как вино.

В дверь вошли две женщины, Оксана и Лу.

«Кто это?»

– Арк! – воскликнула Лу и подбежала ближе, и только в этот момент дамбу его сознания прорвало, воспоминания влились в него ревушим потоком, и Арк пришел в себя.

И первым делом стыдливо закрылся одеялом.

Оксана подошла ближе, Лу осторожно обняла его.

– Арк? – повторила она.

– Привет, Лу. Я в порядке. Кажется...

Обе улыбнулись.

– Как плечо?

Арк посмотрел на Оксану, потом вспомнил, коснулся правого плеча, поморщился.

– Как будто должно сильно болеть, но не болит. Вообще не чувствую.

– Я заморозила тебе нервные окончания. Заклинание спадет, и плечо заболит, но, насколько я могу судить, руку ампутировать не нужно.

– А был такой шанс?

– Да.

– Арк, ты не представляешь, сколько Оксана для тебя сделала, – сказала Лу. – Больше, пожалуйста, не падай в Шпрее.

– Не буду. Спасибо, Оксана. Я в очередной раз перед тобой в неоплатном долгу.

– Посмотрим, – туманно произнесла Оксана и вышла из комнаты.

Арк нахмурился, секунду о чём-то вспоминал, потом повернулся к Лу:

– Где Карман?

– В кирхе остался. С ним всё в полном порядке, как будто и не было ничего.

– А где бюст Нефертити?

– У Доротей. Эту часть контракта ты выполнил. Все в полном восторге.

– Который сейчас день?

– Десятое января. Еще есть несколько дней до срока, назначенного Советом. Пшигода сейчас выясняет остальное. Мы успеваем, Арк.

– Хорошо, – Арк откинулся на подушку. Приятно, когда можно положиться на друзей.

– Отдыхай.

– Я же у Оксаны, да? На Алексе?

Лу кивнула.

– Я думаю, что смогу уже сегодня пойти домой. Уже сейчас.

– Хорошо, только оденься. Вещи вон в том шкафу. Я снаружи подожду.

Лу вышла, и Арк встал. Первым делом посмотрел вниз: всё нормально, ни башен, ни грибов. Всё как обычно. Прихрамывая, он подошел к шкафу, достал незнакомые штаны, белье, рубашку, носки. На гвозде висело длинное шерстяное пальто. Внизу стояли зимние ботинки. Он медленно оделся. Завязывать шнурки было неудобно: правая рука всё-таки саднила, и пальцы шевелились не так легко. Он вышел из комнатки, в коридоре Лу о чём-то говорила с Оксаной. Последняя внимательно осмотрела Арка сверху донизу и вроде бы осталась довольна.

– Я нашла два велосипеда, – сказала Лу. – Думаешь, справишься?

– Да тут ехать пять минут. Пошли. Спасибо большое, доктор. Сколько я должен?

– Тут всё улажено, – странным тоном произнесла Лу. – Пойдем, по дороге объясню.

Они спустились по лестнице. Лу норовила помочь, но Арк без особых проблем справился сам. Тело было уставшим, затекшим, но работало нормально. Они вышли из госпиталя и сели на велосипеды.

– О черт! – вдруг сказала Лу. – Статуи.

– Какие статуи?

– Три статуи из музея Бодэ. Сильнющие. Доротея их нам передала в качестве оплаты, мы их использовали, чтобы вытащить тебя из Шпрее, но даже двадцатой части их не выбрали. А потом отнесли сюда. Я думала, они могут понадобиться Оксане, но не понадобились.

– Ну и ладно, давай сейчас их не потащим.

– Ладно, я Пшигоду попрошу. Поехали.

Ехалось медленно, но это было лучше, чем идти. На улице было холодно, но Арку это нравилось. Январский ветер оведал лицо, смывая с него ощущения пребывания в госпитале.

– Так что с оплатой Оксане?

– Оказалось, за нас уже заплатили.

– Кто? Это должны быть безумные богатства.

– Не знаю, – ответила Лу и нахмурилась. – Мне это очень не понравилось.

Арк кивнул. Они ускорились и покатили в сторону кирхи. Телебашня Александрплатц нависала над ними очень высоким грибом на очень тонкой ножке.

LXXIII.

Когда Пшигода проснулся, Янек уже хлопотал на кухне. На завтрак были травяной чай и голубиное яйцо. Пшигода умылся, подкрепился и начал собираться. Чтобы попасть в Роцу, нужно было либо иметь документы, либо дать на ветку охраннику. На второе Пшигоде хватало.

– Оставь топор и сигареты, – посоветовал Янек. – Если найдут, убьют на месте. Буквально четвертую. Нагнут молодые деревья, привяжут тебя к высоким веткам и отпустят. Зрелище, скажу тебе...

Пшигода кивнул, выложил кисет с табаком на стол, достал из петли в пальто топор.

– Сюда клади, – Янек повел его в спальню и приподнял кровать. В подкроватном ящике лежал целый склад оружия. Среди прочего виднелись и топоры, и пилы.

– На всякий случай, – сказал Янек.

– Мне бы тоже что-нибудь... на всякий случай. Совсем без оружия идти не хочется.

– Как будто у тебя башка не тверже любого дуба. На, держи, – Янек покопался в кровати и извлек оттуда садовый секатор. – Меньше и полезнее, чем твоя гроза старушек.

Пшигода кивнул и сунул секатор за пояс джинсов. Под пальто его было совсем не видно.

Поблагодарив Янека, он вышел из дома и быстрым шагом пошел к Роце. Утренний Цоо гудел, как пчелиный улей. Люди спешили на работу, опаздывали на Поезд, раскладывали торговые лотки. Вход в Роцу располагался там, где до Смещения был давший району название зоопарк. Животных там давно не было, и всё внутреннее пространство занимали деревья. Большие и маленькие, высокие и

низкие, они полностью скрывали происходящее в Роще от посторонних глаз. Там уже не было дуболомов – все деревья были обыкновенными, насколько это слово подходило к данному случаю. Например, все они в каком-то не до конца понятном Пшигоде ботаническом смысле были Танненбаумом, или частью Танненбаума, или по крайней мере пребывали с ним на постоянной квазителепатической связи. Что-то связанное с переплетением корней и соприкасанием крон. Сам же владелец Рощи и Цоо виднелся далеко на востоке – его верхушка торчала на трехсотметровой высоте там, где некогда располагалось здание Рейхстага.

Но жили в Роще и люди. Даже просто зайти сюда было огромной привилегией, и ходило много слухов о генетических экспериментах, которые деревья ставили над проживающими здесь людьми. На самом деле всё было прозаичнее, и, как и много где, всё решало исключительно добро. Роща невероятно хорошо охранялась – стоящие по всему периметру дубы-колдуны запросто могли уничтожить подступающую танковую дивизию. Роща считалась наиболее безопасной территорией во всём Берлине, и жить здесь было пределом мечтаний наиболее состоятельной части населения города.

На входе в Цоо, впрочем, колдовской защиты не было. Там стояли обычные дуболомы и лениво проверяли у входящих документы, словно бы истинные деревья считали недостойным общаться с людьми. Отозвав одного из охранников в сторонку, Пшигода сунул ему три серебряные монеты. Дуболом разочарованно пошелестел листвой, и только когда Пшигода добавил к ним детского оловянного солдатика середины века, с облупившейся краской, и охранник принял взятку, выдав взамен дубовый листик.

LXXIV.

Роща была прекрасна. В ней не было присущего всем другим лесам на планете дендроапартеида. Дубы и березы росли вперемешку с кактусами и эвкалиптами. Гибкие лианы обвивали могучие тисы. Сосны обнимались с пальмами, и, разумеется, цвели сто цветов. В Роще настолько царили единение и гармония, что у Пшигоды возникло приторное чувство в рту. А еще, ко всему прочему, тут жили люди. Дома из камня и пластика, ни в коем случае не деревянные, напоминали причудливые кучи мусора, потому что архитекторами, инженерами и строителями были тоже деревья. Нелепые стволообразные конструкции торчали из земли под случайными углами, не зная симметрии и точности. Если постройка угрожала обвалиться под собственным весом, ее обычно поддерживали лианы или подпирали растущий рядом могучий вяз. Выглядело непривычно, но Пшигода был вынужден признать: красиво.

Всего людей в Роще жило порядка тысячи человек, и все они были рассредоточены по огромной территории леса. На карту рассчитывать не

приходилось. Пшигода подошел к приветливо выглядящей березе, вежливо приобнял ее стройный ствол, прижался лбом к шершавой коре.

– Извините, пожалуйста, я здесь впервые, – интимно прошептал он. – Я ищу свою знакомую. Не могли бы вы мне подсказать, как пройти к дому Карин.

Береза покачала ветками, и в шелесте листвы Пшигода услышал ответ.

До дома Карин он добирался около полутора часов, обходя густые заросли, аккуратно пересекая поляны, стараясь не давить цветы. В Роще с пониманием относились к тому, что люди двигаются, переставляя ноги, и тем самым рискуют потоптать траву, но пониманием этим не следовало злоупотреблять.

Карин жила в доме, заросшем сиренью и жимолостью. Почти бесформенную бетонную коробку нежно обвивал плющ. Двери на доме не было – деревья не всегда вникали в тонкости человеческой приватности. Пшигода остановился у входа и громко постучал о дверной косяк. Ему навстречу вышла женщина лет тридцати. Выглядела она странно. Ее идеальное, почти кукольное лицо было серым и бесцветным, глаза каплевидной формы – тусклыми и ввалившимися, роскошные темные волосы – не уложенными и сальными, пропорциональная и впечатляющая фигура – сгорбленной. Женщина явно пребывала в затяжной депрессии. Пшигода молча показал ей портрет человека со шрамом на лице. Карин мотнула головой и вернулась в дом. Пшигода последовал за ней.

– Когда мы были вместе, – стала она рассказывать, когда они уселись в удобные гамаки и стали пить травяной чай с беконным печеньем, – я считала Грега просто клиентом, честно говоря. Постоянным, близким, но ничем не отличающимся... Он, конечно, был в меня влюблен... Жениться несколько раз предлагал, завести семью. Я всё смеялась, всё к шутке сводила. Говорила, что на это нужны деньги. Я не знала, что он... не ожидала, что настолько серьезно...

– И что случилось?

– Однажды Грег ко мне пришел и попрощался. По-настоящему. Я даже не поняла тогда...

Карин всхлипнула, и Пшигода понял, что ей уже очень долгое время было необходимо выговориться.

– Он оставил мне коробку. Сказал: «Будь счастлива». Сказал открыть ее дня через три.

– Когда это было?

– В октябре... Потом он исчез. Перестал заходить. Никто его больше не видел. Я открыла коробку, а там... добра на всю жизнь хватит.

– А что-то еще в коробке было? Записка, может?

– Нет, только артефакты. Я тогда обрадовалась безумно. Тоже не сразу поняла. Рассорилась со всеми подружками. Купила этот дом. В Роще, в цветах, всегда мечтала. Мы с ним тут гуляли... И только сейчас я осознаю...

– А сама коробка осталась?

Карин кивнула. С трудом вылезла из гамака, ушла по кривой лестнице в соседнюю комнату, вернулась с аккуратным деревянным ящиком. Ни капли не опасаясь, протянула его Пшигоде. Ящик был на треть заполнен мелкими, но необычайно мощными артефактами, на секунду напомнив Пшигоде сундук мебельного дракона. Пшигода пригляделся к самому ящику. На наскоро выточенной крышке виднелась неровность, как большой заусенец. А за него, легонько подрагивая на сквозняке, зацепились три коротких светлых волоска. Не дыша, Пшигода извлек их, положил в носовой платок, свернул его в плотный конвертик и убрал в карман пальто. Карин наблюдала за его действиями без всякого интереса.

Вернув ей коробку, Пшигода спросил:

– Ты знаешь, откуда он взял всё это добро?

– Нет. Я никогда не спрашивала, на кого он работал.

Пшигода поблагодарил за чай и беседу. Предложил денег, но Карин отказалась.

Он уже выходил из дома, как она тихо сказала ему в спину:

– А вы знаете... что с ним случилось?

Пшигода секунду подумал, потом обернулся.

– Он умер, Карин.

Кукольное лицо женщины дрогнуло и тут же расслабилось. Она явно ожидала этого ответа.

– А как он умер?

– Быстро. Он умер быстро. Он не боялся.

Карин помолчала, но Пшигода видел, что она раздумывает над еще одним вопросом.

– А то, что он сделал... за это добро...

Пшигода дай ей закончить самой.

– Это было что-то хорошее?

– Это было что-то хорошее для тебя, Карин.

Та кивнула, прикрыла глаза, и Пшигода воспользовался моментом, чтобы уйти.

LXXV.

В лесу он снова применил ту же тактику и спросил у тополя, где живет профессор нематологии фон Штейниц. Оказалось, нужно было идти на юг где-то около часа. Проклиная неудобную планировку девственного леса, Пшигода, как заправский спецназовец, рысью побежал в указанном направлении. Он взял хороший темп и шел ровно, не останавливаясь, чтобы полюбоваться красотами вокруг, обходя редких туристов-свидетелей. На полпути его живот стало сводить от голода, и он сорвал с нужного куста банановую гроздь, церемонно извинившись и поблагодарив растение. Еда в Роще была абсолютно бесплатной, но вежливость никто не отменял.

Профессор нематологии жил в гигантском цветке. Это был явно элитный район даже по меркам Роци: хорошо освещенная открытая поляна с шикарным видом на южный край Танненбаума и с шестью разноцветными домами-цветками. Тополь подсказал, что искать нужно в молочноцветковом пионе сорта Fen Yu Nu, но Пшигода был не силен в ботанике и два раза ошибся, прежде чем нашел нужный. Несмотря на название, пион был откровенно розового цвета. Пшигода осторожно, боясь продавить лепесток, постучал в возвышающийся метра на три пион. Никто не ответил.

Пшигода постучал еще раз, настойчивее. «К профессору нужен иной подход, нежели к разочаровавшейся в жизни проститутке», – решил он, и когда лепесток всё-таки чуть отодвинулся в сторону и наружу выглянуло недовольное лицо с трубкой и в очках, его встретил кулак в нос. Лицо тут же исчезло, послышался шум, потом крик. Пшигода без труда настезь распахнул лепесток и вошел в дом. Внутри оказалось примерно так, как Пшигода и ожидал. Мебель была в монотонной пионовой гамме и росла прямо из пола. Пестик цветка, по всей видимости, служил обеденным и письменным столом и для этой цели был укорочен и сплюснут. Сбоку виднелась лестница на верхние этажи, отделенные перегородкой. Лежащий на мягком полу, зажимающий нос рукой и хнычущий профессор нематологии явно жил один.

– Хватит орать, – сказал Пшигода, предупредив очередной крик профессора. – Они не успеют.

К боли и непониманию на лице фон Штейница добавился страх. Он подавился криком, потом заткнулся. Был он маленьким сухоньким человечком лет пятидесяти. Одет был в домашний халат, с ног при ударе слетели мягкие тапки. Его водянистые близорукие глаза смотрели на Пшигоду с ужасом. Тот достал из кармана пальто портрет Клауса и ткнул его в лицо профессору, нависнув над ним статуей Командора.

– Видел его?

Фон Штейниц нашарил рукой упавшие с носа очки, быстро надел их, прищурился. Взгляд его фокусировался то на портрете, то на сжимающем его кулаке. Наконец он энергично закивал:

– Да, я его помню. Он сюда заходил, давно, несколько месяцев назад. Он заплатил мне за информацию.

Голос у профессора был на удивление зычный, совершенно не подходящий к внешнему облику.

– Заходил сюда? Значит, ты уже жил здесь, в Роце?

Профессор кивнул. На кончике носа у него повисла капелька крови.

– А как тогда ты сюда переехал? Кто дал тебе столько денег?

– Танненбаум. Пригласил.

– За что?

– За заслуги!
– В нематологии?
– Да! – очки профессора сверкнули, когда он горделиво вскинул голову. Эффект испортила капля крови, заляпавшая ему халат.
– Так, – сказал Пшигода. – Что такое, курвина мать, эта нематология?
– Наука о червях.
– О червях?
– Да.
– И что же такого важного ты знаешь о червях?
– О червях, молодой человек, я знаю всё.
Пшигода многозначительно промолчал.
– Но я не обязан делиться знаниями с каждым базарным хамом...
– А этот базарный хам? – Пшигода шевельнул портретом. – Он заплатил?
Фон Штейниц кивнул и покосился на напрягшийся кулак Пшигоды. Потом зажмурился.
– За ту же информацию, что и Танненбаум?
– За всю не хватило. За часть.
– Открой глаза.
Профессор червей повиновался и увидел, что в другой руке Пшигода держит секатор.
– Я не могу тебе заплатить столько же, сколько Танненбаум, – сказал незванный гость. – Кигва, я, наверное, не могу заплатить и столько же, сколько этот второй. Но я могу тебе кое-что пообещать. Если ты мне всё расскажешь по-хорошему и бесплатно, я уйду, и на твоих руках останется десять пальцев.
Примерно через семь минут Пшигода бежал к выходу из Роци. Он не боялся, что фон Штейниц настучит Танненбауму; в конце концов, профессор сам выдал секретную информацию, и, узнай об этом деревья, ему первому не поздоровится. Причина спешки была в другом.
Информация профессора червей жгла Пшигоде мозг.
Несмотря на почти два часа бега по весьма пересеченной местности, он почти не запыхался, когда достиг выхода из Роци. Спокойно прошел мимо скучающих дуболомов и вышел на вокзальную площадь. Как он и ожидал, погони не было. Бег действовал на него медитативно, и поэтому план действий представлялся достаточно четко. Пшигода подошел к ларьку, в котором торговали всячиной первой необходимости, и купил кружку пива и голубиную сосиску в тесте. Получив энергию, его мозг стал приводить разбежавшиеся мысли в порядок, строить их ровными рядами, дисциплинировать и муштровать. Пшигоде нужно было поговорить еще с одним человеком, а потом торопиться домой. В Берлине намечалось что-то большое. Больше, чем взрыв Поезда. Он залил в рот

последний глоток пива и уже было собрался идти, как вдруг, словно в подтверждение своих выводов, услышал Голос с Неба.

Справедливости ради, его услышал не только Пшигода. Голос – громкий, чистый, с легким деревянным акцентом – легко разнесся по всему Цоо. Голос вещал:

– Слушайте мои слова. Слушайте мои слова. Слушайте мои слова. Я говорю с вами по поручению Совета Города.

LXXVI.

– Я говорю по поручению Совета Города. Внимательно выслушайте то, что я скажу, и донесите до тех, кто не смог услышать. Вы не одни. Мы не одни. Берлин жив. Берлин един. Совет Одиннадцати принял решение восстановить Берлин под своим свободным, демократическим правлением. Мы возвращаемся к законной жизни. Мы возвращаемся к безопасной жизни. Мы возвращаемся к спокойной жизни.

Голос сделал паузу, словно для того, чтобы набрать воздуха.

– Мне кажется, это Александр, – высказал мнение Акхил. – Тембр изменен, но интонации его.

Они вчетвером – Пилар, Арк, Лу и он – сидели в кабинете Арка на втором этаже кирхи.

Голос продолжил:

– Третьего сентября, в День объединения Берлина, город снова станет единым. Не будет более раздробленных и конкурирующих зон. Не будет более воюющих колдунов, стремящихся отхватить каждый свой кусок.

Акхил громко фыркнул.

– В Берлине воцарится закон. С третьего сентября в силу вступает Новый Кодекс единого Берлина. У каждого будет возможность узнать и понять новые правила жизни. Появится Полиция единого Берлина, чьей главной обязанностью будут защита всех граждан и соблюдение Кодекса. Появятся независимые судьи, которые смогут защищать невиновных и карать преступников.

– Это то, о чём говорила Доротейя, – сказал Арк. – Начинается.

– Жизнь граждан будет безопаснее и удобнее. С третьего сентября в оборот вводится Единая валюта Берлина, как альтернатива системе бартера и услуг. Каждый сможет зарабатывать и тратить деньги. Валюта будет выпускаться и находиться под неусыпной охраной

Совета Города. С третьего сентября Совет Одиннадцати становится выборным органом. В этот день в Берлине пройдут первые со Смещения выборы. Они будут честными и открытыми. Каждый разумный гражданин города, вне зависимости от формы тела или колдовского потенциала, получит равное право голоса. Все подробности будут донесены до каждого жителя города позднее. Расскажите всем, кого увидите. Расскажите всем, кто не смог услышать. Вы не одни. Мы не одни. Берлин жив. Берлин един. День единения Берлина будет началом новой жизни.

Голос стих, а затем в кирхе, как и, наверное, во всём Берлине на секунду воцарилась абсолютная, звенящая тишина. А потом все стали говорить разом.

– Наконец-то нормальные деньги вводят, – произнесла Пилар.

– Так вот к чему оно всё шло, – сказал Арк.

– Это антиреволюция, – заявила Лу.

– Будет кровь, – предрёк Акхил.

Все снова замолчали и посмотрели друг на друга.

– Что вообще происходит? Может, я всё еще из Шпрее не выбрался? С чего вдруг они начали это делать?

– Я думаю, это было неизбежно, – сказал Акхил. – Рано или поздно колдунов бы скинули. Люди отлично справляются без них, посмотри на Фридрих. Они нами правят по праву сильного, но не по праву необходимого. Лу совершенно права, это антиреволюция. Колдуны наносят упреждающий удар.

– Мы тут все колдуны, – заявил Арк.

– Но некоторые колдунистее других.

– Неужели они просто так врут про выборы и законы?

– Конечно врут. Присыпают сверху политикой, как сахарной пудрой. О каком единстве, о каком равенстве может идти речь, если у нас в одном и том же городе живут люди и живут боги?

– Я не уверена, – сказала Лу. – Это будет зависеть от того, кем будет полиция: людьми или богами?

– Вот именно, – резюмировал Акхил. – Они сделают полицией тех же хундескопфов, например, и весь Берлин станет Музейным островом. Так хотя бы у нас есть свободные зоны: Алекс, Фридрих...

– Пренцлауэр-Берг? – спросил Арк, но Акхил не ответил.

– Хундескопы, – произнесла Пилар. – Пшигода сказал бы: «Хундескопы».

Все засмеялись, но смех получился натянутым.

– Кстати, где он? – спросил Арк.

– В Цоо, с портретами Клауса и террориста. Копают информацию.

– Пшигода сказал бы: «Коп-ает».

Шутка Арка была настолько плохой, что на этот раз смех прозвучал поживее.

Они спокойно поужинали, каждый погруженный в свои мысли. Акхил и Арк сыграли партию в го. Арк почти выиграл за белых, но индус в последний момент провернул несколько очень хитрых тэсудзи, разрушив все шансы противника. Пилар пошла домой, к сыну. Лу читала книжку.

Спокойный вечер прервал ввалившийся в дверь кирхи Пшигода. Его пальто было забрызгано чем-то темным, но когда Акхил и Лу подбежали к нему поближе, он отмахнулся. Быстро подошел к Арку, крепко обнял его.

– Плечо... – слабым голосом сказал Арк.

– Извини. Ты как?

– Жив. В сознании. Это главное. Ты-то как? Ты весь в крови.

– Это не кровь, всего лишь древесный сок. Прямо на входе на станцию на меня набросились несколько дуболомов. Нам очень многое нужно обсудить, но я валюсь с ног. С утра объявляем срочное собрание, а сейчас я хочу есть и спать.

– Оставайся в кирхе, – предложила Лу.

Пшигода кивнул и ушел умыться. От него нестерпимо несло свежесрубленной березой.

LXXVII.

Арк плохо спал. Плечо болело, лежать на правом боку было неудобно. В голове плавали разные мысли, путались, не давали уснуть. Он пытался настроиться на мерное посапывание Кармана, но даже этот годами испытанный трюк на этот раз не сработал. Маясь между сном и явью, Арк встал и спустился на первый этаж, выпить воды.

– Не спится? – напугал его голос.

В темноте на одном из кресел одинокой громадой сидел Пшигода. Арк налил воды и подсел к нему.

– Тебе тоже?

Пшигода кивнул. Его темные, глубоко посаженные глаза внимательно следили за другом.

– Слишком многое произошло за последние пару дней, – продолжил Арк.

– И многое изменилось, – сказал Пшигода.

Оба еще немного помолчали.

– Как ты себя чувствуешь? – наконец спросил чех.

– Лучше. Я не до конца понимаю, что именно со мной произошло там и почему я не полностью сошел с ума, как, например, Джек Нож.

– И почему Оксана вылечила тебя бесплатно.

Арк поднял бровь.

– Лу мне рассказала. Мне это не очень нравится.

– Я думал, ты любишь экономить.

– Чем больше я вникаю в происходящее, тем больше вижу, что нами управляют некие более могущественные силы. Не напрямую. Но где-то подталкивают, где-то помогают, где-то направляют.

– Ну, мы выполняем задание Совета...

– На одном уровне – да, – Пшигода помолчал, собираясь с мыслями. – Но есть еще и другие уровни происходящего, и на них мы просто фишки для игры в го, – Пшигода кивнул на доску, на которой до сих пор можно было рассмотреть руины стратегии Арка при игре с Ахилом.

– А кто играет?

– Кандидатов не так много. Совершенно точно – Лихтенхерцы. Они играют почти в открытую. Может быть, Танненбаум, но он может быть и заодно с ними. И я очень надеюсь, что Александр.

– Ты не знаешь наверняка?

– Нет. Александр – бог, Арк. И если Лихтенхерцы – боги в античном смысле, то Александр, пожалуй, дотянет и до библейского. Его мотивы, его логика, желания, воля неисповедимы. Неизвестны и, я полагаю, непознаваемы. В отличие от остальных, например, он бог весьма удаленный.

– В смысле?

– Ты его когда-нибудь видел?

– Нет.

– И я нет. А я живу на Алексее уже почти три года. Все знают, что он там, в своей Башне. Серб точно его видел и постоянно находится с ним в контакте. Но многие никогда не связывались с ним напрямую, даже не видели.

– И что же?

– Кому-то трудно верить в бога, которого не видно. Особенно когда чужие боги шастают среди людей в открытую. И напрямую управляют их жизнями.

– Думаешь, Александр об этом не знает?

– В том-то и проблема. Думаю, ему всё равно.

Оба еще немного помолчали, сидя в темноте.

Наконец Пшигода нарушил тишину:

– Арк?

– Да?

– Ты всё тот же?

– Не знаю. Кажется, да.

– Хорошо. Это нам пригодится. Я пойду спать.

И чех ушел.

LXXVIII.

Ранним утром все собрались в кабинете Арка, не желая попусту тревожить остальных работников. Не было только Пилар, которая обычно приходила позже.

На разных концах большого листа бумаги Арк написал: «Взрыв», «Бюст», «Клаус», «Нигош», «Лихтенхерц», обвел кругами. Подумал, не выписать ли отдельно Доротею, но не стал. Протянул линию от «Нигоша» к «Клаусу», оттуда ко «Взрыву». Еще одна линия соединила «Бюст» и «Лихтенхерцев». Пшигода добавил еще круги «Грег», «Танненбаум», «фон Штейниц» и «Тараск». Все уставились на последнее. Пшигода стал объяснять и рисовать.

– Грег, как мы видели, взорвал Поезд, – на бумаге появилась еще одна линия. – После смерти Грега его девушка получила кучу добра и поселилась в Роще Танненбаума, – еще одна. – Добро лежало в коробке, в которой я нашел вот это, – Пшигода развернул платок.

– Короткие жесткие волосы, – сказал Акхил. – Собачьи?

– Именно. Хундескопфы – значит, Лихтенхерц, – линия соединила соответствующие круги. – Теперь Клаус. Он Поезд не взрывал, но погиб не случайно. В тот день он был в Роще, говорил с профессором-нематологом, – линия соединила «Клауса» с «фон Штейницем».

– Нематологом?

– Изучающим червей, – пояснил Акхил.

– Точно. Нематолог живет в роскошном доме в Роще, потому что какое-то время назад придумал для Танненбаума страшную вещь, – еще одна линия. – Он создал заклинание, позволяющее при наличии артефакта необычайной силы вызывать Тараска, – на схеме появились соответствующие линии.

– Управлять им?

– Нет, только приманивать. Нужен предмет небольшого размера с очень высокой концентрацией колдовской энергии. Но, имея такую штуку, можно совершить самую большую террористическую атаку в истории нашего мира.

Акхил, не говоря ни слова, провел новую линию через весь лист. Она соединяла «Тараска» с «Бюстом».

– Вот что, – заявила Лу. – Им нужен бюст не просто так. Это наживка для Тараска, – она посмотрела на образовавшуюся схему. – Я думаю, мы можем провести еще одну линию, – и она соединила «Танненбаума» и «Лихтенхерцев». – Они должны действовать заодно.

– А как Клаус и Нигош связаны со взрывом? – спросил Арк.

– Перед отъездом я разговорил одного из работников станции Цоо. Пара кружек пива – и он стал моим сердечным другом. День взрыва он хорошо помнил. Еще бы, такое событие! И Грега помнил, из-за шрама.

– И что?

– А то, что Грег тогда почти весь день на станции простоял. Ходил туда-сюда, на людей смотрел.

– Ждал кого-то?

– Да. Клауса, выходит, и ждал.

- Кто-то, значит, узнал, что Клаус с фон Штейницем говорил, – сказал Пшигода. – Профессора пожалел, вдруг пригодится, а вот утечку информации всё-таки решил прикрыть.
- И одним камнем двух птиц сбил, – сделала вывод Лу. – И Поезд взорвал, и от утечки избавился.
- И еще на Нигоша вину свалил.
- Очень эффективно.
- Давайте теперь восстановим хронологию, – предложил Арк, глядя на расчерченную схему. – Виктор Лихтенхерц задумал совершить теракт невероятной силы при помощи Тараска. Профессор составил заклинание, Танненбаум ему заплатил.
- Так, – кивнула Лу.
- Для заклинания требуется огромный сфокусированный источник силы, – продолжил Арк. – Такой, наверное, всего один в Берлине, это бюст Нефертити. И Виктор планирует ограбление музея Бодэ.
- Стоп, – сказал Акхил. – Тут выходит несостыковка: бюст уже в руках у Лихтенхерцев. Зачем грабить музей, привлекать внимание?
- Арк на секунду задумался, стоит ли раскрывать тайну Доротей.
- Очень просто, – ответила Акхилу Лу. – Заклинание потом расшифруют. Всё может вскрыться, и тогда артефакт однозначно укажет на Виктора.
- Верно, значит, его нужно украсть. Бюст пропадает, и концы в воду.
- В Шпрее, – уточнил Пшигода.
- Пока всё логично, – продолжил Арк. – Но тут подворачивается Нигош, который давно копает под Виктора. Его ученик Клаус каким-то образом выходит на профессора. Это угрожает всему плану, и Виктор придумывает, как убить двух зайцев одним выстрелом.
- Но бюст оказывается в Шпрее, и его оттуда достать сложнее, чем планировалось. Поэтому ты видел там, внизу, собачьи скелеты.
- Верно! Пару месяцев Виктор пытается извлечь бюст...
- И тут появляешься ты, Арк.
- Значит, бюст – единственное, что нужно для атаки Тараска? Мы должны предупредить Доротей, – Арк встал с места.
- Лу нахмурилась.
- погоди, – сказал Пшигода. – Мы не знаем еще одного: где будет атака.
- Все на секунду задумались, потом Акхил воскликнул:
- Да выборы же!
- Он написал на листе еще одно имя: «Александр».
- Виктор захочет убрать своего главного противника на выборах.
- Думаешь, Тараск может убить Александра?
- Думаю, он может убить его избирателей.

– Kurva мать, – выдохнул Пшигода. – Они собираются выпустить Тараска на Александрплатц.

– Боже мой, – произнесла шокированная Лу.

– Нужно еще его каким-то образом незамеченным на Александрплатц доставить, – подметил Акхил. – Это не так-то просто.

– Они наверняка это продумали. Остается вопрос, как нам это остановить.

– Всё ясно, – заявил Арк. – Ключ ко всему – бюст Нефертити. Мы с Лу идем к Доротее и пытаемся правдами и неправдами его забрать себе или хотя бы обезопасить. Вы двое идите к Сербу, правдами и неправдами добивайтесь аудиенции у Александра. Он должен всё узнать немедленно. Если у нас получится, то через несколько дней, на сборе Совета, всё раскрывается, и Виктор получает по заслугам.

– Это хороший план, – кивнула Лу. – Только ты к Доротее сам иди, а я отправлюсь на Алекс. Она мне не очень доверяет, как и я ей. У тебя одного может быть больше шансов.

Арк кивнул.

– Выходим немедленно. Всех еще можно спасти.